

Я всегда любил море. Всегда любил, mon amie.
Ночевал на причалах, укрывшись солёною тиной.
Я игрался с цунами охотнее, чем с людьми,
А ещё танцевал полонез на хребте у плотины.

Моя кровь и большой океан по составу едины.

Я учился дышать под водой у морского конька.
Он знаком с Айвазовским и пил с Сальвадором Дали.
Он встречал меня возле заброшенного маяка
И показывал рифы, скелеты пиратов и корабли.

Представляешь, кораллы цветные на них проросли.

Я всегда любил море. Всегда любил глубину,
И поэтому я превратился в большого кита.
Я вчера приплывал на комиссию к Нептуну:
Он одобрил мой клич, плавники и развилку хвоста.

Моя милая, тут такие просторы, такие места.

Ты бы видела мой вертикальный фонтан из воды.
Я поставил рекорд по метанию пресных медуз.
В окружении этой весёлой морской чехарды
Я почти забываю фисташки и манго на вкус.

Моя гордость – огромный, свисающий с неба ус.

Я дружу с кашалотом – довольно занятный тип.
Он недавно развелся, уплыл от сварливой касатки.
Предлагает совместно отправиться на Казантип.
Ловит криль и планктон, с китобоями любит прятки.

Он азартный чудак и проспорил мне три стерлядки.

По ночам я пишу тебе письма, рисую по илу портреты.
Я кручу тебя в памяти, словно ты лист оригами.
Мне дельфины приносят по вторникам чай и газеты.
Я читаю про санкции, кризис и прочие ваши цунами.

Очень жаль, что на суше гоняются за деньгами.

А я счастлив, родная. Я волен в подводном мире...
Но когда твоё имя кричат беспардонные чайки,
Я до боли скучаю по крошечной нашей квартире,
Где ты утром ходила в моей перекошенной майке.

* * *

Я видел атлас ночного неба
и Малый Ковш на твоей руке.
Я помню страны, в которых не был,
набойкой стёртой на каблук.

Ты улыбалась легко и тихо,
и звезды таяли на заре.
Сусальным золотом облепила
цвела на брошенном пустыре.

Смеялись грузчики ресторана
над шуткой старого рыбака,
и запах жареного каштана
бродил по улицам городка.

А мне хотелось задёрнуть шторы
и рисовать на твоей спине
Пекин, бамбук и большие горы,
огни сигнальные на Стене.

Я помню страны, в которых не был,
по вкусу счастья на языке:
вино из Крыма с домашним хлебом
и чай калмыцкий на молоке.

А солнце брызгало перламутром,
и мы искрились в его лучах...
Я в свой рюкзак запакую утро
и понесу его на плечах.

* * *

Я безмерно устал.
Во мне пепел потухших комет.
Не заштопаны дыры на черном холсте сюртука.
Я живу в невесомости сотни космических лет,
И махорка давно отсырела на дне мундштука.

Я скитаюсь по небу с созвездием Гончего Пса.
Пёс скулит на луну и угрюмо рычит на ракеты.
Он голодный и старый,
И снится ему колбаса,
И галактика снится из ливера или паштета.

Мы на завтрак грызем лунный коржик напополам,
Собираем кофейные зерна по спящей орбите.
Иногда к нам приходит помешанный Магеллан
И твердит без конца про эпоху великих открытий.

Он макает сухарики в Млечный разлившийся Путь
И рассеянно шепчет: «Туземцы, туземцы, туземцы»,
А Большая Медведица лапу положит на грудь
и качает его,
и жалеет его, как младенца.

Да и мне не забыть беспощадный и глупый Рим.
В каждом факеле мечется правда и слышится стон.

– Посмотри, Магеллан, она круглая. посмотри!

– Успокойся, Джордано Бруно.
Ты видишь сон.

* * *

В моём городе спутаны провода,
Не доходят до станций сигналы.
Между нами – столпились года,
На которые нас разбросало.

На которых до жути белым-бело,
Монотонно и слишком ровно.
Между нами – следы замело,
Никогда их и не было словно.

И живём в параллельных мирах.
Между нами – не ходят транзиты.
И былое скорбит в проводах:
Обесточено и позабыто.

Все дороги прекрасны, моя дорогая,
к чему нам Рим?
Мы горим, нашу молодость прожигая,
огнём горим.
В нашем пульсе клокочет безумное море,
ревёт тайфун.
Ты преследуешь ветер, а я беспризорен,
иллюзорен и вечно юн.

На веснушках твоих зашифрована карта
волшебных стран.
Мы проталины нежного робкого марта
кладём в карман.
Прорастают согретые нежные листья
у нас внутри.
На груди отпечаток оставил лисий
Экзюпери.

Улыбнись, как умел улыбаться Алисе
Чеширский Кот,
а потом растворимся в годах и числах,
вводи пин-код.
Мы оставим на память весеннее небо
и запах трав,
и тепло от горбушки пшеничного хлеба
в родных руках.

Наш потрёпанный глобус закружится в пляске.
Горят сердца.
Мы герои из нами придуманной сказки...
где нет конца.